

РЕЦЕНЗИИ

Вопросы языкового родства / Под ред. В.А. Дыбо. 2013. № 9. М.: ЯСК, 2013. xii + 166 с. (Вестник РГГУ. Сер. «Филологические науки. Языкознание». 2013. № 5 (106).)

В этом году вышел 9-й номер «Вопросов языкового родства» в рамках Вестника РГГУ (№ 5/106). Номер целиком уделен трудам Круглого стола, состоявшегося осенью 2012 г. в Российском государственном гуманитарном университете и посвященного по предварительной задумке 90-летию археолога Николая Яковлевича Мерперта. Но, коль скоро юбилар умер незадолго до события, пришлось посвящать Круглый стол его памяти. Для обсуждения, что необычно для юбилеев, была избрана одна тема – индоевропейская прародина, а поскольку участники не сошлись в месте этой прародины, тема скорее звучит как индоевропейские прародины. Непосредственно этой темой юбилар не занимался, но он немало поработал над археологическими культурами степей (ямная культура) и Балкан, а также Ближнего Востока, а во всех этих местах те или иные исследователи помещают очаг происхождения индоевропейцев.

Правда, «Индоевропейские прародины» называется книга другого давно умершего археолога Владимира Александровича Сафронова, который упоминается в статьях сборника и которому в будущем году исполнилось бы 80 лет, но Сафронов [Сафронов 1984] под множественным числом «прародины» имел в виду этапы обитания праиндоевропейцев – сначала в Карпатах и Полесье (свидерская культура IX тыс. до н. э.), потом на Ближнем Востоке (Иерихон и Чатал-гёюк), потом в Балкано-Дунайском регионе (Винча и Лендель) и, наконец, на севере Центральной Европы (культура воронковидных кубков). Это был чрезвычайно талантливый археолог, хотя многие его экстравагантные концепции покоятся на слабом основании. Но идеи хороши.

Основной, заглавный доклад «Прародина индоевропейцев и миграции» был прочитан Вяч.Вс. Ивановым и Т.В. Гамкрелидзе. Подзаголовок: «Полвека исследований и обсужде-

ний». Полвека – это значит с 1960-х. Но первый устный доклад обоих авторов об их концепции происхождения индоевропейцев состоялся в 1972 г., статьи и знаменитый двухтомник появились в 1980-х, а почти все работы, упоминаемые в докладе, относятся к 1990-м и 2000-м. Скорее всего, имеются в виду работы Марии Гимбутас, хотя лежащая в их основе концепция была выдвинута раньше Э. Вале и Г. Чайлдом.

Свой доклад авторы начинают с указания на новые открытия староассирийских текстов XX–XVIII веков до н. э. со включениями хеттских и лувийских имен (богов и людей). Эти открытия позволяют «достаточно далеко» отодвинуть в глубь времен документацию хеттского и лувийского языков: с XVI века до XX–XVIII. Анализ этих включений позволяет авторам сделать вывод о том, что к группе кентум принадлежали северные анатолийские языки (хеттский и палайский), а южные в той или иной мере были охвачены сатемизацией. Не будучи лингвистом, я не стану оценивать ни состоятельность, ни значение этой констатации. Сатемизация вообще процесс, вызывающий споры. Никто не спорит о наличии такого процесса, но есть ли на индоевропейском генеалогическом древе специальный узел «языки группы сатем» – остается под вопросом.

Далее авторы приступают к характеристике и оценке четырех концепций происхождения индоевропейцев. В «модели А» у них по не вполне ясным причинам объединены концепции североиндоевропейского происхождения и широкой прародины от Прибалтики до приуральских степей. «Модель В» – южноанатолийская концепция Ренфру и его последователей, которую авторы отделяют от своей концепции восточноанатолийского происхождения, хотя их разница по всем показателям, кроме хронологии, незначительна. «Модель С» у них балкано-дунайская, предлагавшаяся

И.М. Дьяконовым (авторы называют ее центральноевропейской). «Модель D» – степная волжско-уральская, которую отстаивали Гимбутас, Мэллори и Энтони.

Североевропейскую концепцию (модель A) они отвергают сразу: «эта модель была предложена до выявления фактов анатолийских и тохарских языков, с которыми ее трудно согласовать для раннего периода» (с. 116). Как раз согласование ее именно с этими фактами ныне на основе археологии выглядит очень многообещающим: продвижение баденской культуры в Анатолию неплохо соответствует миграции хеттов и лувийцев, а чемурчская культура Алтая, Монголии и Синьцзяна, выводимая из неолита Франции и Швейцарии (дальняя миграция!), хорошо совпадает с движением тохаров, см. [Клейн 2012; Ковалев 2012a; 2012b].

Концепция Ренфру (модель B) до сих пор пользуется поддержкой ряда исследователей [Gray, Atkinson 2003; Bouckaert et al. 2012], но критика ее была многообразна и убедительна, а авторы выдвигают против нее очень весомое возражение: «устанавливаемая по глоттохронологии лексико-статистическая дата распада языка около 5000 лет до н.э. *оказывается более поздней, чем начало проникновения результатов неолитической революции в Европу*» (с. 116).

Балкано-дунайскую, широкую и степную концепции авторы вообще не рассматривают и сразу приступают к подтверждению и уточнению своей старой концепции восточно-анатолийского происхождения индоевропейцев. Исключительное значение в этом вопросе авторы придают языковым заимствованиям. Массовые заимствования из праиндоевропейского обнаруживаются, по Г.А. Климову и С.А. Старостину, в пракартвельском и семитских языках. Авторы резонно полагают, что такие контакты имели место там, где обитали предки картвелов и семитов, то есть на Ближнем Востоке, к югу от Кавказского хребта. Авторы не замечают, что такие односторонние заимствования могли остаться от пребывания на Ближнем Востоке части праиндоевропейцев, основной состав которых пребывал в другом месте, то есть от вторжения носителей праиндоевропейского языка из отдаленной прародины на Ближний Восток, хотя бы на Кавказ, где такие вторжения засвидетельствованы археологами для весьма раннего времени (Новосвободненская культура с мегалитами).

Правда, Старостин предположил также ряд заимствований из прасеверокавказского в праиндоевропейский. Он мотивировал это тем, что в северокавказских языках очень много согласных, а в индоевропейских сравнительно мало, и разнообразие консонантизма в схожих северокавказских словах говорит о том, что

заимствование шло из прасеверокавказского в праиндоевропейский, а не наоборот. Это служило бы аргументом в пользу заимствования вблизи прасеверокавказского. Но если диалекты прасеверокавказского распространялись на Малую Азию, то именно они двигались и в Европу через Балканы, и тогда ближневосточное население Европы должно было говорить на языках, близких к прасеверокавказскому (об этом пишет В.А. Дыбо), а значит, заимствование могло происходить в Европе. Кроме того, авторы доклада, проследив, как ведут себя фонемы в этих словах, возражают Старостину: «Он предположил, что они большей частью заимствованы из прасеверокавказского или его диалектов в праиндоевропейский. Типологические выводы относительно законов звуковых изменений скорее говорят об обратном направлении заимствований...» (с. 118). Но если эта поправка верна, то она лишает убедительности как раз доводы о ближневосточной прародине индоевропейцев.

Сюда же авторы присоединяют выведенные в начало доклада открытия хеттских и лувийских заимствований в староассирийском аккадском (семитском). Но эти открытия углубляют индоевропейское присутствие на Ближнем Востоке всего на несколько веков – от силы до XX века. Еще на несколько веков позволяють углубить это присутствие правящие династии кутиев Месопотамии и шумерские тексты города Эблы, которые, по гипотезе Г. Уитакера, возможно, содержат индоевропейские (близкие к хеттскому) заимствования второй половины IV тыс. до н.э. Это уже не так далеко от предполагаемой даты отделения хеттского от праиндоевропейского (4670 г. до н.э. по С. Старостину, 4340 по Г. Старостину). Но пока это лишь гипотеза и она говорит лишь о раннем прибытии хеттов в Азию.

Завершают свою статью Гамкрелидзе и Иванов анализом археологических и палеозоологических сведений о раннем одомашнивании лошади в ботайской культуре Казахстана и предположением о том, что носители этой культуры были не индоевропейцами, а енисейцами (ближе всего к бурушаски). Это может расцениваться как аргумент против концепции степного происхождения индоевропейцев (против модели D).

Что совершенно отсутствует в статье Гамкрелидзе и Иванова, как и в их знаменитой книге, это археологические аргументы, которые бы свидетельствовали о том, что с Ближнего Востока реально осуществлялись хоть какие-то крупные дальние миграции в эпоху, соответствующую не неолитизации, а распаду праиндоевропейской общности – в пятом–четвертом тысячелетиях до н.э. Время это хорошо изучено в археологии. Известна миграция

с юга на Кавказ – это майкопская культура, но дальше на север она не идет. Ямная культура степей от нее совершенно не зависит. Между Балканами и Анатолией происходит взаимодействие, но направление его прямо противоположно: с Балкан на Анатолию. Если взять восточный путь – в обход Каспийского моря, через Среднюю Азию, – то здесь за пределами ареала оседлого населения начинается степной мир с совершенно другим, подвижным, населением и натиск идет из этого периферийного мира на поселения земледельцев. Во всех этих регионах с юга на север движутся предметы торговли – металлические изделия и образцы вещей, но агрессия идет в противоположном направлении. Поэтому идея ближневосточной прародины буквально повисает в воздухе. Она может реализоваться для очень раннего времени – для мезолита или верхнего палеолита, для нестратических событий, но не для эпохи распада праиндоевропейского языка.

Археологическую реализацию идеи Иванова и Гамкрелидзе сделал своей целью С.А. Григорьев из Челябинска, но его доклад «Археологические культуры Ближнего Востока и Северной Евразии в свете индоевропейской проблемы» не вошел в рассматриваемый сборник. Есть лишь краткий пересказ его в общем отчете о конференции (с. 164–165). Однако, по счастью, аналогичный доклад Григорьев сделал на конференции памяти М.П. Грязнова той же осенью в Петербурге, и этот доклад опубликован – «Миграции и их роль в культурогенезе Евразии» [Григорьев 2012] со ссылками на другие статьи и книгу Григорьева.

Одну миграцию автор ведет на Урал из Англии, от хенджей типа «Авербери» (он имеет в виду Эйвбери). Оставим ее здесь без рассмотрения, так как она не относится к нашей теме. Две миграции он ведет из Сиро-Анатолийского региона. Одна – это синташтинская культура, которую он на основе аналогий в металлургии и круглоплановых городищах считает «классическим примером почти однокомпонентной миграции». Культура Синташты относится к первым векам II тыс. до н. э. и считается принадлежащей то ли индоиранскому этносу, то ли иранскому (на мой взгляд, второе вернее). Никакого отношения к происхождению индоевропейцев она иметь не может. Иранцы в Малой Азии не отмечены. Индоарийские слова туда попадали во II тыс. до н. э. как имена богов и чужеродные термины обращения с конями и колесницами (предположительно из Митанни).

Еще одна миграция восстанавливается Григорьевым для сейминско-турбинской культуры середины II тыс. до н.э. Миграция эта действительно вполне реалистична, идет от Алтая до Урала и восточноевропейской равнины.

На основании нескольких отдельных находок артефактов Григорьев продолжает ее до Англии и Франции и таким образом связывает эту культуру с кельтами. Это, конечно, шедевр дилетантизма, но при чем тут происхождение индоевропейцев? Наконец, на основе обнаружения на Урале нескольких мегалитов он реконструирует миграцию из Иордании на Урал в энеолите. Мегалиты Иордании сами выводятся некоторыми исследователями из Западной Европы. Распространение мегалитов по миру вообще остается загадочным. И каких именно праиндоевропейцев привел Григорьев на Урал и зачем? Оттуда они, что ли, разошлись по всем землям?

Вацлав Блажек из Университета Масарика в Брно в докладе «Индоевропейские зоонимы в афроазиатской перспективе» сопоставляет 30 зоонимов семитских и других афроазиатских с индоевропейскими. Он исходит из предположения, что, выделившись из нестратической семьи, эти языковые семьи долго находились поблизости одна от другой, что облегчало контакты. Названия (их 16) диких животных подчиняются звуковым соответствиям в нестратической семье, и Блажек считает их в обеих ветвях общим наследием, а 14 названий домашних животных иногда не подчиняются регулярным звуковым соответствиям, и Блажек считает их заимствованиями, причем по общим соображениям (неолитизация) – из афразийского источника в праиндоевропейский. Но ведь не исключаются и противоположно направленные заимствования (например, другие названия лошади).

Происхождение из единой нестратической семьи предполагает исходный очаг в одном месте, видимо, на Ближнем Востоке (никак не в ареале свидерской культуры) – в очаге возникновения скотоводства и земледелия, а затем, возможно (но не обязательно), какое-то время существование рядом. Распад большой нестратической семьи размещается Г. Старостиным ок. 13 500 до н.э. или 12 000, если исключить картлевскую и дравидскую ветви, а распад афроазиатской начался ок. 10 000 г. до н. э. Это значит, что их разделение и предположительное соседство где-то на Ближнем Востоке относятся ко времени до неолитизации Европы. Впрочем, заимствования не обязательно предполагают соседство – они могли осуществляться и через посредников, как и заимствование самих животных. А где и когда праиндоевропейцы вошли в Европу, по этим данным неясно.

Доклад известного сторонника степной прародины Джеймса Мэллори из Университета Королевы в Белфасте (Северная Ирландия) называется «Тучи двадцать первого века над индоевропейскими прародинами». Мэллори счи-

тает, что на конференции представлены только три модели происхождения – неолитическая анатолийская (Ренфру), ближневосточная (Гамкрелидзе – Иванова) и понтокаспийская степная (модель Гимбутас, отстаиваемая им самим и Энтони). Над всеми этими моделями сгущаются в XXI веке тучи.

Первая туча заключается в лингвистических трудностях и спорах по группировке индоевропейских языков и, следовательно, по очередности отделения от праиндоевропейского корня. Но анатолийская ветвь, по всем данным, отделилась раньше других. По мнению Мэллори, этому хорошо соответствует степная модель, в ближневосточной модели (у Григорьевой) анатолийский тоже отделен без трудностей, но другие идут сложным путем (через Кавказ на Балканы), а у Ренфру армянский уходит из прародин в Анатолии, а затем возвращается в нее. У его современных последователей (Букэрт и др.) греческий уходит на запад из Анатолии, а арии – на восток, и их лингвистическая близость необъяснима.

Вторая туча касается домашних животных и растений. Модели должны объяснить, каким образом у западных и восточных индоевропейцев оказываются одни и те же домашние животные и растения. При распространении из Малой Азии две группы индоевропейцев оказываются разделены огромным расстоянием и неиндоевропейскими народами, а как они пронесли термины пахотного земледелия через степь с ее подвижным скотоводством? Мэллори считает, что с этим лучше всего справляется степная концепция, хотя непонятно, как в ней бытовало исходное пахотное земледелие. При этом ему достаточно, чтобы термин присутствовал хотя бы в одном языке западной группы и в одном восточной. Возможности миграций соответствующих народностей и вообще заимствований, воспринимаемых по звуковым соответствиям между языками (подлаживание слов под унаследованные от общего предка), в расчет не принимаются.

Термины, которые Мэллори взял, выбраны произвольно и не разработаны подробно этимологически. Когда пытаешься восстановить фрагмент праязыкового лексикона, а не корнеслова, как это обычно делается для праиндоевропейского языка, нужно различать, где наследовались общие лексемы, а где имело место образование от одного праязыкового корня в разных группах языков. В статье Мэллори, как и в его с Адамсом «Энциклопедии», это в ряде случаев не делается.

В конце доклада он признает, что каждая из анализируемых им моделей при детализации представляет «серьезные трудности» (с. 152). Однако он не анализировал модели А и С, а только В (в двух вариантах) и D.

Дэвид Энтони из Хартвик-колледжа, штат Нью-Йорк, представил доклад «Две индоевропейские филогении, три праиндоевропейские миграции и четыре вида степного пастушества». Он отстаивает степную прародину индоевропейцев (модель С). Для начала он дает критику нашумевшей статьи Р. Букэрта, Грэя, Эткинсона и др. в журнале «Сайенс», где эта «модель» нашла новейшую реализацию на теоретической основе, заимствованной из вирусологии (эту работу на конференции защищал Пол Хэггерти из Института Макса Планка в Лейпциге, чей доклад не напечатан). В главе «Анатолийский вирус» Энтони показывает, что вывод о реальности модели Ренфру вытекает из самой методики и держится только на ней. Энтони рассуждает логично: из праиндоевропейского попали во все индоевропейские языки термины, связанные с коневодством и повозками (только у хеттов и других анатолийцев этих унаследованных терминов нет), изобретение их произошло после 4000–3500 до н. э. Стало быть, хетты и лувийцы отделились до этого времени, а остальные – уже после этой даты. Модель Ренфру и хронология Грэя и Эткинсона связывает это событие с неолитизацией и датирует 6000 до н. э., что не отвечает изложенным фактам.

Далее Энтони переходит к позитивной части своего доклада: по кладистике Ринджа и др. он излагает три последовательные отделения ветвей от праиндоевропейского древа и соответственно рисует три миграции. В археологической реализации этих миграций – главная суть его доклада.

Первую миграцию, хеттскую, он представляет как движение энеолитических культур типа Суворова и Мариупольского могильника из Поднепровья-Приазовья в Нижнее Подунавье вплоть до культур Деча-Мурешулуй, Девня и Чернавода I (4400–4200 гг. до н.э.). С этим он связывает гибель поселений расписной керамики на Нижнем Дунае. Это чистая гипотеза. Погибли эти поселения от восточных соседей, или от северных (воронковидные кубки), или от собственных междоусобиц, неизвестно. Сами культуры типа Суворова имеют ряд черт, показывающих роль северо-западного компонента в их формировании (курган, чернолощенная керамика, трапециевидные могилы). С памятниками типа Мариуполь – Деча-Мурешулуй их объединять негоже.

Вторую миграцию (3300–2800 гг. до н.э.), тохарскую, он представляет как миграцию репинской (раннеямной) культуры в предгорья Алтая, где она образовала афанасьевскую культуру, претендующую на статус пратохарской. Но происхождение афанасьевской из ямной остается пока гипотетичным, хотя и возможным. А вот пути из афанасьевской культуры в

бассейн Тарима (Синьцзян), к историческим тохарам, не ведут, несмотря на то, что такие предположения отдельными археологами делались. Тогда как сейчас на Алтае и в Монголии обнаружена чемурчская культура, скорее всего тохарская, но происходящая не из наших степей, а из Франции и Швейцарии.

Третья миграция (3000–2800 гг. до н.э.) по Ринджу и др. отделяет не ариев (индоиранцев) или грекоариев, а кельто-италиков и германцев. Что ж, у Энтони для них готово продвижение ямной культуры (основной ствол праиндоевропейцев) в степные ареалы Венгрии и Болгарии, в земли усатовской культуры, коцопень и позднебаденской. Отсюда уже недалеко до земель позднейших кельтов, италиков и германцев. Как-то они потом до этих земель добрались. Проблема в том, что из этих западноямыных культурных образований (ямных, но с местной керамикой) нет никаких миграций и влияний на территорию Центральной и Северной Европы и в Италию. Культуры эти чужды тем регионам – это хорошо показал А. Хойслер [Häusler 1963a; 1963b]. Если куда-то есть движение из этих центров, то в Грецию.

Таким образом, не получается в археологии реализовать миграции из степной прародины. Последний раздел работы Энтони – «Четыре вида пастушества» – я опущу, поскольку он не связан с рассматриваемой темой.

Доклад С.В. Кулланды из Института востоковедения (Москва) «Раннеиндоевропейская социальная организация и индоевропейская прародина» сам по себе интересен, но к теме имеет, на мой взгляд, весьма косвенное отношение. Автор анализирует термины родства в праиндоевропейском, используя суффикс *tēr*. По его мнению, это исходно не термины родства, а названия социальных групп: матери, отцы, братья, дочери и ятрови. Тому подысканы доказательства в значениях унаследованных терминов в индоевропейских языках. Получается половозрастное деление весьма раннего типа.

Установив свою систему половозрастного деления (вообще-то оно у всех народов есть), Кулланда рассуждает так: система эта сопряжена с пастушеским подвижным образом жизни (есть этнографические примеры), следовательно, праиндоевропейцы жили в степях, и модель С наиболее подходит.

Что индоиранцы и, возможно, предки греков и армян были подвижными жителями степей, ясно, и что у них соответственная лексика и социальная организация, как у масан – возможно. Но была ли когда-либо такой лексика западных и северных индоевропейцев? Надо их рассматривать по отдельности. Перенос индоиранских значений на праиндоевропейцев не самоочевиден.

Но возникает целый ряд вопросов по самой реконструкции. Система должна быть системной. Аномалии более интересны, чем естественные соответствия. Если есть отец, должен быть и сын, между тем матери соответствует два термина другого поколения – дочь и ятровь (вообще не родственница, а свойственница), а отцу – ни одного. Братья есть, а сестра где? Это требует объяснения (тем более, что в славянском и германском вроде соответствующий термин есть). У Кулланды вырисовывается нечто вроде пуналуальной семьи Л. Моргана: все мужчины одного поколения являются мужьями всех женщин того же поколения, которые сестры между собой. Это явно чрезмерная архаизация, не говоря уж о фантастичности самой семьи пуналуа. Мешает ятровь – жена брата. Наконец, совершенно не учитывается возможность переноса родственных идентификаций на социальные отношения – так, священников зовут отцами, поскольку отношение к отцу сопряжено с почитанием. Термины кровного родства несомненно использовались и прежде для социальных значений. Но в какой стадии этого процесса были праиндоевропейцы – не совсем ясно.

Меня очень заинтересовали доклады лингвистов из Российского государственного гуманитарного университета – акад. Владимира Антоновича Дыбо и чл.-корр. РАН Анны Владимировны Дыбо.

Работа В.А. Дыбо «Диалектное членение праиндоевропейского по акцентологическим данным» является обобщением и результатом его длительных исследований индоевропейской акцентологии. Я совершенно не могу судить об акцентологических исследованиях, могу лишь осмысливать результаты. В результате этих исследований автор пришел к выводу, что по своей акцентной системе индоевропейские языки распадаются на две большие области: северо-западная группа языков (балто-славянский, германский, кельтоиталийский) является архаической зоной, а юго-восточная (индоиранский, греческий и, возможно, другие) является зоной инновационной. Это может иметь только одно объяснение: северо-западная зона – это исконная территория индоевропейских языков, а юго-восточная занята ими позже.

Для подтверждения В.А. Дыбо обращается к археологии, и стимулом для него послужила книга В.А. Сафронова «Индоевропейские прародины». Он увидел на археологической карте несколько блоков культур. Первый блок: Старчево – Кёреш – Караново (вторая половина VI / первая половина V–IV тыс. до н.э.), культура линейно-ленточной керамики (V тыс.), культуры ленточно-накольчатой керамики (после 4000 г.), трипольская культура (4000–3600 гг. до н.э.). Этот блок он считает возможным свя-

зать с языками северо-кавказского типа. Это возможно, коль скоро они, по-видимому, образовались в ходе неолитизации Европы и вторжения малоазийского населения, родственного северокавказцам. Второй блок состоит из культур Винча (сер. V – сер. IV тыс. до н.э.), Лендель (Дыбо пишет Лендъел, как у Сафронова, IV тыс.), культуры воронковидных кубков (3000–1800/1 600 гг. до н.э.), культуры шаровидных амфор (вторая половина III тыс. до н.э.), культур шнуровой керамики (датировка примерно та же). Автор подробно рассматривает по отдельности культуры шнуровой керамики, занимавшие огромную территорию – от Западной Европы до Волги. Этот второй блок культур Дыбо связывает с индоевропейской семьей языков. Культура воронковидных кубков означает раннюю привязку этого блока к Балтике, к северо-западу ареала, а распространение культур шнуровой керамики на восток соответствует более поздней и, следовательно, инновационной (из-за смешивания с субстратами) группе языков.

Сейчас археологи не столь уверенно связывают близость культур с языковым родством, как в эпоху, когда работал Сафронов. Но, как мне представляется, в целом это очень реалистичная картина. Она явно укладывается в «модель А». В археологической части работа, к сожалению, несовременна. Кроме Сафронова (чья книга вышла в 1984, но была написана значительно раньше) автор опирается на А.Л. Монгайта, чья популярная книга вышла в 1974, да Монгайт и не был специалистом по первобытной археологии – он специализировался по Древней Руси. Я не уверен, что можно относить Винчу и Лендель к праиндоевропейцам. Все датировки устарели. Культура воронковидных кубков датируется сейчас IV тыс., а не III, трипольская культура – V–IV тыс., а в Румынии (Кукутень) – с начала VI, и т. д. Совершенно несуразны гадания о языковом соответствии отдельных культур, например о трипольской культуре как тохарской. Для таких гипотез археологические основания (Монгайт, Сафронов и Чайлд 20–50-х годов) у исследователя явно недостаточны.

Интересен также доклад Анны Вл. Дыбо «Язык и археология: некоторые методологические проблемы. 1. Индоевропейский и алтайский ландшафты». Рассмотрев словарь, касающийся ландшафта в праиндоевропейском (и для сравнения в алтайском праязыке), исследовательница нашла, что в алтайском как раз мало терминов для гор и камней и много для свободных пространств и широких рек, а в праиндоевропейском много терминов для камней, каньонов, пещер и т.п. Она пришла к выводу, что алтайский праязык до распада существовал в степной зоне, а праиндоевропейский

как раз нет. То есть степная прародина праиндоевропейского отпадает. Исследовательница заключила, что праиндоевропейский сформировался в горной местности или в предгорьях, покрытых лесом.

Подразумевается ли, что для этого вполне подходила бы территория Малой Азии или Закавказья (модели Ренфру и Гамкрелидзе–Иванова)? Явно не только они. Ведь по содержанию видится не столько горный ландшафт, сколько (и скорее) последнеледниковая территория равнин и предгорий с обилием валунов и морен, а это Северная часть Европы – от Атлантики и Балтики до Швейцарии и Пиреней – модель А.

Есть и некоторые сомнения в отборе терминов. Принадлежат ли все выделенные слова к праиндоевропейскому? Из приведенных примеров такой уверенности не вытекает. Если слово представлено даже в отдаленных друг от друга ветвях, это еще не гарантия, что оно было в праиндоевропейском. Расстояния между ветвями или их частями могли быть в прошлом другими. Впрочем, об этом лучше судить лингвистам.

Серьезным вкладом в исследование проблемы является доклад О.Н. Балановского, О.М. Утевской и Е.В. Балановской, представляющий самый современный метод палеоантропологического познания – популяционную генетику или ДНК-генеалогию. Доклад этот, названный «Генетика индоевропейских популяций: прошлое и будущее», с одной стороны, показал новые возможности, а с другой – предостерег от чрезмерных ожиданий и обычного в новых отраслях науки шарлатанства. Авторы показали, что в ряде случаев есть почти полное соответствие лингвистических данных распределению гаплогрупп. Так обстоит дело на Кавказе. Думаю, что это обусловлено тем, что на Кавказе налицо результаты вторжения очень резко различных по происхождению и религии этносов и они занимают локальные ниши, мало смешиваясь. Иначе обстоит дело с индоевропейцами на всей территории их обитания. Здесь сходство популяций по гаплотипу больше зависит от их географического соседства, чем от родства языков. Это, по-видимому, связано с тем, что здесь большую роль в языковой истории играло распространение через доминирование элиты, смешивание, воздействие субстрата и т.п. Все же можно установить корреляцию между целыми семьями языков и распространением гаплогрупп, но не удастся найти некий гаплотип индоевропейцев или гаплогруппу такой-то ветви индоевропейцев. Корреляция устанавливается методом расчета расстояний, особенно при парных сравнениях.

Хорошо прослеживается распространение генетического пула из Малой Азии в Европу с постепенным убыванием густоты – результат

неолитизации. Показана карта распространения Y-хромосомной гаплогруппы R1a1-M198, которую биохимик А. Клёсов приписал ариям-славянам, поскольку она распространена у восточных и западных славян (но не у южных) и в Северной Индии. Она также густо представлена на Алтае. Анализ степени генетического разнообразия говорит о распространении этой гаплогруппы скорее с юго-востока (из Индии) на северо-запад и притом в очень раннее время, задолго до формирования индоевропейцев. Ко времени индоевропейцев это уже был старый субстрат в этих областях.

В перспективном докладе С.А. Бурлак языковые контакты и смешения сгруппированы по видам в зависимости от родства языков, количественной характеристики популяций, характера их отношений (господство и зависимость), приверженности идентичности. При этом рассмотрено, какие виды соотношений при каждом из этих видов контактов образуются в культуре (соответственно в археологии) и в антропологическом пуле (соответственно в гаплотипах). Прделана чрезвычайно важная работа для решения основного теоретического вопроса этногенетических штудий: как решать, когда культура, гаплотип и язык совпадают, а когда нет.

Таким образом, в этом интересном сборнике три доклада (из напечатанных) ратуют за ближневосточную прародину индоевропейцев, отделяемую от анатолийской концепции Ренфру, и три доклада – за степную. Эти статьи, хотя и представлены выдающимися исследователями, среди которых ведущие фигуры разработчиков этих концепций, не производят впечатления справившихся с «тучами XXI века» – трудностями и противоречиями. Концепция Ренфру, недавно поддержанная в статье Букэрта и др., из сборника устранена (даже доклад ее сторонника не напечатан), но она в статьях критикуется и в своих основных чертах имеет те же плюсы и вынуждена противостоять тем же трудностям, что и ближневосточная концепция Гамкрелидзе – Иванова, и вдобавок имеет противоречие в хронологии. Два доклада видных московских лингвистов Дыбо выделяются из общего фона своей независимой позицией и конечной поддержкой европейской прародины, в чем они совпадают с позицией, выдвинутой мною и А.А. Ковалевым на чуть более ранней конференции в Петербурге. Наконец, два доклада посвящены очень важному теоретико-методическому аспекту кооперации лингвистики с археологией и палеогенетикой. Эти доклады

видятся мне особенно перспективными для решения рассматриваемой проблемы – как и ряда подобных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев 2012 – С.А. Григорьев. Миграции и их роль в культурогенезе Евразии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения <...> Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2012.
- Клейн 2012 – Л.С. Клейн. Происхождение индоевропейцев и археология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения <...> Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2012.
- Ковалев 2012a – А.А. Ковалев. Древнейшие европейцы в сердце Азии: чечурчакский феномен как ключ к решению проблемы тохарской прародины // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения <...> Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб., 2012.
- Ковалев 2012b – А.А. Ковалев. Древнейшие статуи Чечурчака и прилегающих территорий. СПб., 2012.
- Сафронов 1984 – В.А. Сафронов. Индоевропейские прародины. Горький, 1984.
- Boucaert et al. 2012 – R. Boucaert, P. Lemey, M. Dunn, S.J. Greenhill, A.V. Alekseyenko, A.J. Drummond, R.D. Gray, M.A. Suchard, Q.D. Atkinson. Mapping the origins and expansion of Indo-European language family // Science. 2012. V. 337. № 6097.
- Gray, Atkinson 2003 – R.D. Gray, Q.D. Atkinson. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // Nature. V. 426 (27 November. 2003).
- Häusler 1963a – A. Häusler. Ockergrabkultur und Schnurkeramik // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte (Halle). 1963. Bd 47.
- Häusler 1963b – A. Häusler. Ist eine Ableitung der Schnurkeramik von der Ockergrabkultur möglich? // Forschngen und Funde. 1963. Bd 37. № 12.

Л.С. Клейн

Сведения об авторе:

Лев Самуилович Клейн
СПбГУ